

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Оксана Хутгер

Внутренний Восток в поэзии русского модернизма

The article is devoted to the analysis of Oriental motifs and their rendering in Russian modernist poetry.

Key words: Hafiz, Viacheslav Ivanov, M. Kuz'min, L. Lipskerov, Orient, ghazal.

Статья посвящена анализу ориентальных мотивов и их представлению в поэзии русского модернизма

Ключевые слова: Гафиз, Вячеслав Иванов, М. Кузмин, Л. Липскеров, восток, газель.

Интерес к Востоку, восточной философии и поэзии возрастает в начале XX века. Ориентальная проблематика и поиски специфических форм ее выражения нашли свое отражение в поэзии русского модернизма. Ориентализм русского модернизма во всех его разновидностях — слишком большая тема, требующая специального глубокого изучения. Наше исследование ограничится арабо-персидским культурным ареалом — тем Востоком, который входил в начале XX века в границы Российской империи.

Восприятие России как особого исторического явления, находящегося на стыке Запада и Востока на рубеже XIX — XX вв. обретало все возрастающую актуальность. От апокалиптических идей «Панмонголизма» Вл. Соловьева, положенных в основу «Петербурга» А. Белого, вопрос о соотношении «западного» и «восточного» воплотился в движении к «Скифам» А. Блока. «Пушкин, Тютчев, Соловьев, Блок — вот характернейший путь русского поэтического сознания за последние сто лет в вечном вопросе о России и Европе, или — еще шире — о Востоке и Западе», — писал Р. Иванов-Разумник в предисловии к последней публикации Блока (1918) [8, с. 188]. Мнение о сосуществовании Востока и Запада высказал М. Волошин: «Европа, как чужеродное растение, выросла на огромном теле Азии. Она всегда питалась ее соками. Если развернуть полушарие Старого Света, Европа представляется зеленым и сочным кактусом, выросшим на безмерных каменистых пустынях Азии. Все жизненные токи — религию и искусство — она пила от ее избытка» [4, с. 302].

Многие поэты начала XX века в гораздо меньшей степени отделяют Россию от Азии, от истории, философии, религии, искусства Древнего и Нового Востока, составляющего не только «внешнюю», но и в определенной степени внутреннюю среду общества, составной частью которого давно уже стали Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток и Азиатский Север. М. О. Гершензон в 1908 г. определял степень интереса к Востоку следующим образом: «внешний интерес» к Востоку «так силен, что от художника требуется мало усилий, чтобы возбудить внимание читателя» [5, с. 337].

В русской литературе мода на поэзию Востока была гораздо шире, охватывая самые разные литературные группы и течения. У Бунина вышел цикл стихов об арабском Востоке (Стихотворения 1903–1906 гг.), к жанрам арабо-персидского стихосложения обращаются такие мэтры, как Вяч. Иванов («*Cor Ardens*»), В. Брюсов («Сны человечества»), М. Кузмин («Осенние озера»), К. Бальмонт («Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних»).

По мнению Волошина, ориентализм был одним из частных проявлений романтизма: «Ориентализм — это взгляд на Восток со стороны, взглядом постороннего наблюдателя <...> Завоеватель, пилигрим, искатель приключений начинает со времен Байрона превращаться в туриста, любопытствующего и снисходительного наблюдателя, коллекционера любовных эпизодов и пряных редкостей. Романтики (Увы!) были едва ли не первыми туристами Востока, ездившими на осмотр его достопримечательностей...» [4, с. 302].

Экзотические образы Востока романтики черпали из первых переложений Гафиза [см.: 13, с. 7].

Гафиз¹ — литературное имя означающее «хранящий в памяти Коран». Гафиз создавал почти исключительно газеллы и был одним из прославленных «царей поэтов» Ширази, в творчестве которого персидская газелла достигла наивысшего расцвета [см.: 13, 42]. А. Фет был восхищен немецкой версией Гафиза Г. Даумера: «Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы

---

¹ Гафиз — транскрипция имени поэта, принятая в начале века и особенно в кругу общения Вяч. Иванова [см.: 2, с. 68].

истинной поэзии неуывадаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей» [16, с. 143], — писал он в предисловии к циклу стихов «Из Гафиза», вышедшему в 1860 году. С газеллами Фета был знаком Вяч. Иванов [см.: 1, с. 58].

На «башне» Вяч. Иванова в одном из основных центров устремлений русского символизма середины девятисотых годов создается литературный кружок — общество «Друзей Гафиза»². Ближайшие друзья устраивали «вечери Гафиза» и приветствовали свои «вечери» стихами. «Гафиз» объединял немаловажных для истории русской культуры поэтов, художников и философов. Собрания посещали: Иванов с женой, Кузмин, Бердяев, Сомов, Бакст, Нувель, Городецкий и Ауслендер. О деятельности кружка Вяч. Иванов размышлял следующим образом: «Гафиз должен сделаться вполне искусством. Каждая вечеря должна заранее обдумываться и протекать по сообщу выработанной программе. Свободное общение друзей периодически прерывается исполнением очередных номеров этой программы <...>. Этими номерами будут стихи, песни, музыка, танец, сказки и произнесение изречений, могущих служить и тезисами для прений; а также некоторые коллективные действия, изобретение которых будет составлять также обязанность строителя вечера...» [7, т. 2, с. 752].

Здесь стоит упомянуть «театральные» искания начала XX века, мысли Иванова о поиске синтеза искусств, необходимости обновления форм искусства театрального: «...жажда иного, еще не раскрывшегося театра, жажда неопределенная и глухая, и столь же неопределенное и глухое недовольство театром существующим стали явлением обычным. <...> Театр должен окончательно раскрыть свою динамическую сущность; итак, он должен перестать быть «театром» в смысле только «зрелища». Довольно зрелищ, не нужно circenses. Мы хотим собираться, чтобы творить — «деять» — соборно, а не созерцать только...» [7, т. 2, с. 93, 95]. Рассуждая о ницшеанском Сверхчеловеке, отразившем кризис индивидуализма, Иванов высказывает идею «соборного» театра, призванного объединить людей на новых основаниях: «Сверхчеловеческое — уже не индивидуальное, но по необходимости уже вселенское и даже религиозное. <...> Мы стали звездочетами вечности, — а индивидуум живет свой век, не загадывая вперед, не перенося своего центра тяжести вовне себя» [7, т. 1, с. 837].

---

² В статье «Петербургские гафизиты» Н. А. Богомолов обращается к истории собрания «Гафиза» на «башне» В. Иванова [см.: 2, с. 67–116].

Встречи «Гафиза» отразили попытки поиска новых форм искусства, Л. Зиновьева-Аннибал писала о собраниях: «Мы чего-то ищем ощущенью. Как передать словами жесты ступающих в темноте с осторожно, хотя и жадно протянутыми руками?.. Мы имеем за вдохновение персидский Гафиз, где мудрость, поэзия, и любовь, и пол смешивался...» [цит. по: 2, с. 73]

В первую книгу стихов Иванова «*Cor ardens*» вошло стихотворение «На башне», посвященное Зиновьевой-Аннибал и явно отсылающее к собраниям гафизитов:

Пришелец, на башне притон я обрел
С моею царицей — Сивиллой,
Над городом — мороком, — смурый орел
С орлицей ширококрылой [7, т. 2, с. 259].

Названные Ивановым «симпосионами» собрания проходили на манер и в подражание «Пиру» Платона — с чтениями стихов, музыкой, беседами. В проектах было издание альманаха «Северный Гафиз»³. Иванов предполагал открывать альманах стихами Августа фон Платена-Халлермюнде (1796–1835) — автора сборника стихов «Зеркало Гафиза», высоко оцененных Ивановым. Замысел издания осуществлен не был.

Важнейшую роль в формировании замысла «Северного Гафиза» играл «Западно-восточный диван» Гёте. В статье «Мысли о символизме» Вяч. Иванов называет Гёте «дальним отцом нашего символизма»

³ Вяч. Иванов писал о замысле: «Это должна быть маленькая, маленькая книжечка, содержащая все стихи и прозу Гафиза и портреты всех членов в красках, — в costume и во весь рост, а также картинку *nature morte* — изображение обстановки и утвари Гафиза, как она у нас есть (только стилизовано), с яствами и свечами на полу и куполом Государственной Думы за окном. Все это должно быть очень изящно и очень восточно по стилю, до такой степени, что книжка будет читаться, как восточные книги, с конца к началу и справа влево (или при помощи зеркала). <...> Сборник должен открываться стихами Платена в моем переводе. Все ахнут, снобы умрут от зависти (особенное потрясение будет в Москве), все скандализируются и закричат» [цит. по: 2, с. 87]. В этой связи примечательно описание Вяч. Ивановым визита на «башню» М. Горького 3 января 1906 г.: «Максим Горький явился милым и кротким агнцем, говорил мне много о необходимости слияния литературных фракций, о том, что мы, художники, все в России, etc. <...> о том, что в России только и есть, что искусство, что мы здесь «самые интересные» люди в России, что мы здесь — ее «правительство», что мы слишком скромны, слишком преуменьшаем свое значение (!), что мы должны властно господствовать, что театр наш должен быть осуществлен в громадном масштабе — в Петербурге, в Москве, везде одновременно — etc. « [цит. по: 2, с. 69]

[7, т. 2, с. 612]. «West-östlicher Divan», опубликованный в 1819 г. был написан Гёте по немецким переводам Гафиза Иосифа фон Хаммера, кроме того, Гафиза переводил Вл. Соловьев, что не могло не привлечь внимания Вяч. Иванова.

В книге «Cor ardens» Вяч. Иванов отдал дань стилизаторским экспериментам с русской газеллой⁴. Цикл «Газэлы» вошел в пятую книгу «Cor ardens», раздел «Rosarium» (1912).

В состоящем из трех разделов цикле, два из них целиком посвящены «Розе»: «Газэлы о Розе» и «Новые газэлы о Розе». В стихах «Rosarium» появляются образы из разных эпох: «Роза Диониса», «Роза Трех Волхвов», «Роза Царицы Савской». Отметим, что во всех стихах хвала поется «Ей одной»:

Царь-заложник! Ей одной, — тайной, —
Пой, и с именем умри — Розы [7, т. 2, с. 463].

Роза у Вяч. Иванова представлена как символ мистической любви, стоящей за названием книги, которую сам автор назвал в посвящении «снами об Афродите Небесной». При этом Роза отсылает читателя к разным мифам из разных стран и эпох, подразумевая как христианский, так и более древний, античный пласт соотнесений. «Истинный символизм не отрывается от земли... <...> К одному стремится он, как искусство: к эластичности образа, к его внутренней жизнеспособности и экстенсивности в душе, куда он западает, как семя, долженствующее возрости и дать колос. Символизм в этом смысле есть утверждение экстенсивной энергии слова и художества. Эта экстенсивная энергия не ищет, но и не боится пересечений с гетерономными искусству сферами, напр., с системами религий. Символизм, каким мы его утверждаем, не боится вавилонского пленения в любой из этих сфер: он единственно осуществляет актуальную свободу искусства, он же единственно верит в его актуальное могущество» [7, т. 2, с. 611, 612], — писал Вяч. Иванов.

Исследовательница творчества Вяч. Иванова следующим образом определяет содержание «Cor Ardens»: «Самый «символистский» поэт эпохи, Иванов сделал символ главным способом своего поэтического дискурса, своей поэтической латынью. Денотат, по сути, оказывался не столь важным, он был известен (и равно неизвестен!) заранее — тай-

⁴ Представление о становлении и развитии русской газеллы дается в статье: [1, с. 57–63].

на жизни и смерти, их мистическое единство. Символика этих взаимосвязанных начал составляла содержание «Cor Ardens» [14, с. 199].

Религиозной, пророческой, метафизической называет М. Кузмин лирику «Cor Ardens». ««Со страхом и трепетом» мне слышится, когда я хочу говорить о лучшей, самой значительной и, может быть, вместе с тем самой интимной книге одного из главных наших учителей и руководителей в поэзии», — пишет он в рецензии на страницах «Трудов и дней» [9, с. 49]. Газелла «Возрождение» из второй книги «Cor Ardens» в полной мере отражает мистические настроения Вяч. Иванова:

Нам суд — быть богомольцами могучих Змей и Солнц.
Мы, золотом и кольцами тягучих Змей и Солнц

Облачены, священствуем, жрецы и ведуны, —
Пророча, верховенствуем на кручах Змей и Солнц [7, т. 2, с. 290].

Для Вяч. Иванова, проповедовавшего гафизитам «мистический энергетизм», «богоборчество» и «прометеизм» характерна, по его же словам, «поглощенность мистикой, «идеологией», <...> поэтической фантазией» [7, т. 2, с. 747], что воспринималось как его решительная отделенность от большинства прочих членов кружка. Иванов чувствовал эти настроения, о чем говорит запись в его дневнике: «*Я устремляюсь к вам, о Гафизиты. Сердце и уста, очи и уши мои к вам устремились. И вот среди вас стою одинокий. Так, одиночество мое одно со мною среди вас*» [7, т. 2, с. 751; курсив автора].

«Cor Ardens» представляет собой сложную композиционную иерархию пятикнижия, названную М. Л. Гаспаровым «поэтическим монументом»: латинские названия разделов книги, циклов стихов, а также названия стихов на латинском, греческом, цикл стихов «Gastgeschenke» на немецком, архаическая лексика, твердые формы стиха, очевидно, что книга представляет собой литературную рецепцию поэта, а не стилизацию под восточных поэтов.

Увлечение идеями гафизитов, а также персидской поэзией нашло отражение в поэзии Михаила Кузмина. Серьезная работа Кузмина собственно над стихами, в отрыве от музыки, началась летом 1906 г., то есть в период собраний «Гафиза». Кузмин пишет стихотворение, обращенное к гафизитам, в котором изображает обстановку и характер их собраний:

Нежной гирляндюю надпись гласит у карниза:
«Здесь кабачок мудреца и поэта Гафиза».
Мы стояли,
Молча ждали,
Пред плющом обвитой дверью.
Мы ведь знали:
Двери звали
К тайномудрому безделью.
Тем бездельем
Мы с весельем
Шум толпы с себя свергали.
С новым зельем
Новосельем
Каждый раз зарю встречали <...> [цит. по: 2, с. 72]

Позже, в 1912 г. в его книгу стихов «Осенние озера» вошел цикл «Венок весен» («Газели»), состоящий из 30 стихотворений. «Иные из этих стихов навеяны сказками и легендами арабов, другие испытали влияние арабской любовной лирики», — указывает М. И. Синельников [15; цит. по: 12, с. 236]. Так, газеллы 25, 26, 27 представляют собой вольное переложение стихотворных отрывков из «1001 ночи»: «Он пришел в одежде льна, белый в белом!..», «Он пришел угрозы тая, красный в красном...», «Черной ризой скрыты плечи. Черный в черном...»

Для Кузмина в восприятии Гафиза преобладало отрицание причастности к «мистическому энергетизму» и «богоборчеству» Вяч. Иванова. «Эротико-эстетическое приятие» было наиболее важным для поэта: «Любовь всегдашняя моя вера», — говорит он в книге «Сети». В цикле «Венок весен» мотивы чувственной любви преобладают, как, например, в стихах: «Ведет по небу золотая вязь имя любимое...», «Что скажи мне краше радуг? Твое лицо...», «Летом нам бассейн отраден плеском брызг...», «Когда услышу в пеньи птиц: «Снова с тобой!»? Газелла 13, в которой страсть представлена посредством образа четок, — характерный пример этого ряда стихов:

Острый меч свой отложи, томной негой полоненный...
Ты о дне не ворожи, томной негой полоненный!
До утра перебирая страстных четок сладкий ряд,
На груди моей лежи, томной негой полоненный.
Змеи рук моих горячих сетью крепкой заплету,
Как свиваются ужи, томной негой полоненный.
Ты дойдешь в восторгах нежных, в новых странствиях страстей
До последней до межи, томной негой полоненный!

В газеллах Кузмина любовная лирика «Венка весен» сочетается с элементами мусульманской мистики, как, например, в газеллах 3 и 4: «Кто видел Мекку и Медину — блажен!..», «Нам рожденье и кончину — всё дает Владыка неба...»

В известной статье «Преодолевшие символизм» В. М. Жирмунский писал о «детской мудрости» Кузмина: «Мы можем назвать Кузмина последним русским символистом. Он связан с символизмом мистическим характером своих переживаний; но в стихи он не вносит этих переживаний, как непобежденного, смутного и трепещущего хаоса. Искусство начинается для него с того мгновения, когда хаос побежден: Божественный смысл жизни уже найден, есть абсолютное средоточие в мире, вокруг которого все предметы располагаются в правильном и прекрасном порядке» [6, с. 367].

Еще одна характерная для ориентальной лирики начала XX века книга — сборник стихов менее известного поэта Константина Липскерова «Песок и розы» (М., 1916). Поэт, переводчик, один из основателей литературной группы «Лирический круг», Липскеров впервые выступил со стихами в «Северных записках». Книга «Песок и розы» представляет собой поэтический дневник поездки поэта в Туркестан. В стихотворении «Слова восьмистиший», открывающем книгу, как и в стихах Кузмина, появляются исламские четки, но если в газелле Кузмина четки ассоциировались со страстью, то четки Липскерова — с молитвой:

За словами благие веду я слова восьмистиший,
Как поклонник Аллаха молитвенно двигает четки.
Если мудрость придет и душа станет трепета выше, —
За словами благие веду я слова восьмистиший.
Если вспомню Тебя под дыханьем вечерних затиший,
Если знание найдя, огорчусь я печальной находке, —
За словами благие веду я слова восьмистиший,
Как поклонник Аллаха молитвенно двигает четки [11, с. 5]

Липскеров соединяет восточную стилизацию на стиховом и образном уровнях и совершенно иной Восток, воплотившийся в книге, в которую вошел цикл «Туркестанские стихи» (в 1922 г. сборник в расширенном виде вышел отдельной книгой). Восток Липскерова отличен от мистического Востока Вяч. Иванова или чувственного Востока Кузмина, несмотря на то, что в нем присутствуют элементы как первого, так и второго. Не случайно ли и соединение образов розы и сердца в «Газелле» из цикла «Песни»?

Где же ты души царица? Жду!
Загорится ли денница? Жду!
Без тебя не радостна земля
И сады мои — темница. Жду! <...>
Или сердце не полно мое,
Словно розами кошница? Жду!
Розы сердца и рубины слов
Не тебе ли, чаровница? Жду! [11, с. 63–64]

Несмотря на присутствие любовной лирики в книге Липскерова, образ розы для поэта, в отличие от Иванова, преимущественно — деталь его окружающего пейзажа в картине поэтического видения Азии, не на мистике сосредоточен взгляд поэта в одноименных стихах:

Азия — желтый песок и колючие желтые травы...
Азия — розовых роз купы над глиной оград...
Азия — кладбище Битв, надмогилье сыпучее Славы...
Азия — желтый песок и колючие желтые травы,
Голубая мечеть, чьи останки, как смерть, величавы,
Погребенный святой и времен погребальный обряд; —
Азия — розовых роз купы над глиной оград...
Азия — желтый песок и колючие желтые травы,
Узких улиц покой, над журчащими водами сад...
Азия — розовых роз купы над глиной оград,
Многопестрый базар, под чалмою томительный взгляд,
Аромат ислеваний и ветер любовной отравы; —
Азия — желтый песок и колючие желтые травы...
Азия — розовых роз купы над глиной оград... [11, с. 33]

Восток у Липскерова представлен, прежде всего, зарисовками картин, проходящими перед взглядом художника. Стихи сопровождают географически точные описания, такие, например, как подписи: «Пустыня «Большие Барсуки»», «Казахстанские степи». Такой Восток подарили поэту супруги Брик. Поездка в начале 1914 года в Среднюю Азию совместно с Л. Ю. и О. М. Бриками оказалась определяющей для всего последующего творчества поэта. Л. Брик вспоминала: «Мы даже свезли как-то одного поэта в Туркестан оттого, что он очень любил Восток» [3, с. 63]. Лиле Брик посвящено стихотворение Липскерова «Ош»:

На коврике багряном пьем мы чай.
Ряды купцов, вожатай каравана
Сидят вокруг, не разгибая стана.
Река звенит из под высоких свай.

Верблюды на мост, перил задевши край,
Из солнечного двинулся тумана.
Там на горе — гробница Сулеймана!
Там за снегами горными — Китай! <...> [11, с. 32]

Стихотворение «Ош» входит в цикл сонетов из «Туркестанских стихов», это Восток в восприятии пришельца, перед глазами которого проходит особый мир, живущий своей восточной жизнью: «Старый Ташкент», «Самарканд», «Пустыня», «Верблюды», «Базар»:

Как много их, поклонников Корана!
Как в толпы мне проникнуть — не пойму!
Я вижу неба узкую кайму
И синь навеса, полную дурмана <...>

Подносы, бусы, вышивки и дыни.
Как пристально, пришедши из пустыни,
Следим узоры призрачные мы! <...> [11, с. 28]

Быт, легенды и настроения Востока в стихах Липскерова переплетаются с древними притчами и восточной мудростью. В критических отзывах на «Песок и розы» было отмечено, что в этой книге поэт обрел свою тему, свой поэтический голос. Восточное содержание книги в необычном обрамлении изысканными твердыми европейскими формами стиха (сонет, рондо, расширенный триолет) обратило внимание всех рецензентов, писавших о сборнике: «Кто любит арабески, восточные ткани, персидские ковры, правда в процессе своей выделки уже прошедшие через утонченные руки европейца, — тот испытает большое наслаждение от этой колоритной книжки» (Ю. Айхенвальд, «Речь», 1916). Абрам Эфрос счел книгу Липскерова нешаблонной: «Это не наблюдения европейца, опьяненного Востоком, в «Песке и розах» чувствуется связь с большой ориенталистической традицией поэтического и художественного романтизма <...> у Липскерова подлинное поэтическое дарование» («Русские ведомости», 1916) [цит. по: 10, 365].

Книга Липскерова завершается переводами из «Гюлистана» Саади. Позже переводы Саади Липскерова войдут в книгу «Муслихиддин Саади. Жизнеописание» из серии «Классики таджикской литературы» (1949).

Как становится очевидно из рассмотренных примеров, Восток вдохновлял крупнейших поэтов начала XX века, став неотъемлемой

частью их творчества. Интерес этот складывался под влиянием как закономерностей исторического развития России и литературной традиции, также во многом и под влиянием творчества, как русских (А. Фет, Вл. Соловьев) так и европейских поэтов (Гете, Платен). Выражался этот интерес, как показывают приведенные примеры, совершенно по-разному.

Представленные примеры далеко не исчерпывают всех связей поэзии русского модернизма с темой «внутреннего» Востока, которая требует дальнейшего подробного освещения. В этом направлении у нас пока сделаны только первые шаги.

Список литературы и источников

1. *Богомолов Н.* К истории русской газеллы // Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011.
2. *Богомолов Н.* Петербургские гафизиты // Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.
3. *Брик Л.* Из воспоминаний // Альманах с Маяковским. М., 1934.
4. *Волошин М.* Лирика творчества. Л., 1988.
5. *Гершензон М.* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 7 (подпись: М. Г.).
6. *Жирмунский В.* Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001.
7. *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 1–4. Брюссель, 1971–1987.
8. *Иванов-Разумник.* Испытание в грозе и буре: («Двенадцать» и «Скифы») А. Блока // Иванов-Разумник. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923.
9. *Кузмин М.* «Cor ardens» Вячеслава Иванова // Труды и дни. 1912. № 1.
10. *Кушлина О.* Липскеров Константин Абрамович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.
11. *Липскеров К.* Песок и розы. М., 1916.
12. *Панова Л.* Игры с Брюсовым: Александр Великий в творчестве Кузмина // Новое литературное обозрение. 2006. № 78.
13. *Пригарина Н., Чалисова Н., Русанов М.* Хафиз: Газели в филологическом переводе. Ч. 1. М., 2012.
14. *Проскурина В.* «Cor Ardens»: Смысл эзотерического заглавия и эзотерическая традиция // Новое литературное обозрение. 2001. № 51.
15. *Синельников М.* Исламские мотивы в русской поэзии // Ислам в России и Средней Азии. М., 1993.
16. *Фет А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2.